

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47).02

Фомина Т.Ю.

ПОВСЕДНЕВНО-БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА X-XII ВВ. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ И ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)*

Аннотация: В рамках данной работы обобщены результаты научных исследований, материалы исторических источников и археологических раскопок, характеризующие повседневную культуру Великого Новгорода X-XII вв. На богатом источниковом материале прослеживается влияние церкви на повседневную жизнь горожан, семейные взаимоотношения новгородцев того времени, их домашние заботы и часы досуга.

Ключевые слова: история, культура, Великий Новгород, археология, берестяные грамоты

Новгородская земля в X-XII вв. сыграла значительную роль в становлении Древнерусского государства, в рамках которого новгородцы сумели создать уникальную, отличающуюся от других русских земель, политическую структуру, административное управление, развитую экономику, самобытную культуру и жизненный уклад. Безусловно, именно в повседневной жизни человек раскрывается наиболее полно и обращение к данному аспекту позволяет понять и почувствовать «дух эпохи», окунуться в мир забот, тревог, переживаний и радостей людей того времени. Поэтому в рамках нашего исследования мы попытаемся обобщить научные исследования, материалы исторических источников и археологических раскопок, характеризующие повседневную культуру Великого Новгорода X-XII вв.

В средневековье, как и в любой другой исторический период, носителем повседневной бытовой культуры является семья. Берестяные грамоты, найденные в ходе раскопок в Великом Новгороде, позволяют сделать вывод о том, насколько важны были для новгородцев родственные связи. Новгородец не мыслил себя вне семьи, и поэтому самым страшным наказанием для него было исключение из ее рамок. Обращение к семейным узам проникло даже в этикетные формулы берестяной переписки, хотя далеко не всегда автор и адресат состояли в кровном родстве. «Брат Милята!» – обращается купец своему компаньону в Киеве [Зализняк А.А.1995, 265]. Анна, обращающаяся за помощью к своему брату Климяте, в отчаянье пишет, что если в суде докажут то, в чем ее ложно обвиняют – «Я тебе не сестра, а мужу не жена» [2, 274].

Время сохранило берестяные послания, полные любви и заботы о близких. Например, для Онтана, жившего в середине XII в., так же, как и для многих из нас, очень

* © Фомина Т.Ю.

важна весточка от матери о том, что все живы – здоровы [2, 334]. Находясь в Смоленске, Гюргий беспокоится за родителей, оставшихся в голодающем Новгороде [2, 248].

Создание семьи было важным событием в жизни новгородца. В рассматриваемый период в Новгороде уживалось несколько обычаев образования семейных союзов. Обряд введения невесты в дом жениха «вечером» оказался наиболее долго живущим, его отголоски встречаются вплоть до XVI в. [Рабинович М.Г.1988, 256] Наряду с этим обычаем широко был распространен брак с похищением невесты или «умычка». Похищение стало неотъемлемой частью уже христианизированного обряда, который жив и по сей день.

В XII веке, согласно дошедшим до нас источникам, было вполне обычным явлением образование семьи без всяких обрядовых действий, или, как говорил очевидец тех событий священник Кирик, «положить девку жене без всякого обряда» [Вопрошание Кириково.1906, 34]. Церковь не признавала подобных форм и требовала обязательного венчального брака. Однако церкви приходилось мириться со многими существующими в Новгороде обычаями, даже с тем, что в таких браках были нажиты дети. Новгородский архиепископ Илья говорил: «... венчайте, же еще и с детьми» [Поучение архиепископа Ильи.1906, 371].

При этом священник должен был тщательно следить за тем, чтобы венчаемые не были в кумовстве, сватовстве, крестном братстве или свойстве до шестого, седьмого колена [Романов Б.А.1947, 74].

При заключении брака одной из древнейших церемоний было поедание каравая и сыра. Этот обычай сегодня трактуют как символ будущей безбедной жизни супругов или как символ плодородия. Вероятно, традиция устраивать свадьбу только в доме жениха или невесты в XII в. еще не сложилась. Гуляние устраивалось прямо на улице после венчания в церкви. Брак, заключенный с благословения духовника, и дальше оставался под его покровительством. [Пихоя Р.Г.1974, 68]

Безусловно, главой семьи был мужчина, он занимался хозяйственными вопросами, ему подчинялись все домочадцы. Сохранилась берестяная грамота, посланная хозяином усадьбы Василем к своему управляющему или домочадцу Ростиху. Распоряжения Василя сухи и конкретны: «Продайте полового коня, а рыжего купите в конюшню, а бурого запишите (по-видимому в какую-то опись). Отрядите человека, отправьте с ним 4 резаны» [2, 267]. Другое письмо «от Завида к жене и детям» содержит инструкцию, как последним вести себя дальше в известной адресатам судебной тяжбе: «А вот женщину-то били, почему же не поставили ее на пытку?» И приписка: «К Луке иди» [2, 366]. Таким образом, даже находясь в отъезде, хозяин стремился регулировать все стороны жизни семьи.

Влияние на семейный быт новгородцев стремилась оказывать и церковь. Особое внимание духовенство уделяло новорожденным, дабы привлечь новгородцев к христианским основам как можно раньше. Сами роды церковь считала делом нечистым, но при этом крещение новорожденного для церкви было жизненно важным обрядом, так как некрещеный не имел права даже на погребение по христианскому канону. Ребенка крестили, как правило, на восьмые сутки после рождения. Священник мог даже оставить службу и идти крестить младенца к горожанину на дом: «Любо си и службу церковную оставити, нетуть в том греха» [9, 367].

Имя младенцу обычно давалось при крещении на основе святцев. Несмотря на это, в Новгородской земле того времени были широко распространены имена христианского происхождения [2, 52]. Наиболее часто встречались имена: Радонег и Богуслав, Творимир и Братонег, Седослав, а так же более простые: Завид, Некрась, Хроп, Крив и т.д. Бытовали в Новгороде и имена греческого происхождения, но в жи-

вой обиходной речи они сильно видоизменялись. К членам своей семьи и соседям новгородцы обращались просто: Марфуша, Микитка, Янка, Тимошка.

Детей в семье надлежало воспитывать в строгости и уважении к родителям. Дети, будучи уже взрослыми, обязаны были заботиться о родителях на протяжении всей жизни и «читать родителей яко бога».

Однако семейная жизнь новгородцев не была безоблачной идиллией. Их брачные союзы, даже скрепленные церковным венчанием, были весьма непрочными. Несмотря на проклятия духовенства, новгородцы весьма свободно относились к браку, сожительствуя без духовного благословения и расставаясь вопреки церковным законам после венчания [2, 312]. Берестяные грамоты сохранили драматические эпизоды из жизни женщины того времени. Когда муж в виду заключения нового брака выгонял прежнюю жену из дома, но при этом обязан был вернуть все ее приданное родным [2, 312]. Берестяные грамоты так же свидетельствуют, что и в семейных неурядицах и в судебных тяжбах единственной опорой женщины были родные, прежде всего братья [2, 344, 349, 312].

Церковь рассматривала процедуру развода как исключительное явление. В Древней Руси инициатива развода при очень веских обстоятельствах признавалась только за мужчиной. Церковное право Новгорода позволяло и женщине требовать «ропуск», если муж, имевший большой долг, «порты ея грабити начнет или пропивать или ино зло» [1, 32], «аще ли муж от жены прелюбы творит с иною, а свою жену бият по неправде». В этом случае жена должна была дать «извет» перед людьми в том, что она не виновата в разводе [1, 38].

Безусловно, говорить об униженном и полностью бесправном положении женщины нельзя. Во-первых, наличие берестяных посланий, написанных новгородскими женщинами, свидетельствует об их грамотности. Во-вторых, женщины не были ограничены только рамками домашнего хозяйства: они имели право участвовать в финансовых операциях, земельных тяжбах, отстаивать свои интересы в суде, они в ряду с мужчинами фигурируют в дошедших до нас долговых списках.

Пищевой режим новгородцев также находился под влиянием церковной традиции. Например, разрешалось кушать мясо только в среду, пятницу и господские праздники [Пихоя Р.Г. 1987, 78], и следовало воздерживаться от употребления «удавленины» (животных или птиц удавившихся в силке) [1, 46]. Но в реальной жизни новгородцы исходили из своих вкусов и возможностей, основанных на крестьянских традициях, впоследствии обогащенных новыми кушаньями и напитками.

Главной и неотъемлемой частью ежедневной трапезы новгородца был хлеб, который служил синонимом понятия еды вообще. Набор хлебных изделий в новгородской кухне был достаточно богат: это лепешки, оладьи, ватрушки, шаньги, пряники на меду, пироги с самой разнообразной начинкой. Значительную часть питания составляли каши. В то время так называли не только крупяные блюда, а вообще все кушанья, сваренные из измельченных продуктов [10, 223]. Самой популярной кашей в X–XII вв. была пшенная, кроме нее употребляли так же овсяную, гречневую, гороховую [Янин В.Л.1998, 134]. Особо следует отметить кутью – ритуальную сладкую кашу, которая в XII в. готовилась из зерен пшеницы с медом. Из ржаной или овсяной муки, слегка подквашенной дрожжами, в Новгороде делали кисель.

Репа и капуста – были наиболее распространенными овощными культурами на всей территории Древней Руси, которые шли преимущественно на жидкие блюда – похлебки, хлебово (супы в нашем понимании), репицу или щи. Овощи заготавливали впрок. В бочках хранили соленые огурцы и грибы, квашеную капусту, моченые ягоды и фрукты. Мясо употребляли в пищу чрезвычайно экономно.

Большую роль в питании жителей Новгорода играл мед, который употребляли так, как мы теперь используем сахар. Из меда и зерна изготавливалось множество сортов пива. Наибольшее распространение из напитков имел квас, который пили для утоления жажды и использовали для приготовления тюри и окрошки. Предметами дорогостоящего импорта были византийские вина и острые приправы. Широко в пищу использовали рыбу. Неотъемлемой частью повседневной жизни новгородца были промыслы (рыбный, пушной, бортничество и т.д.), которые не только приносили доход, но и дополняли достаточно разнообразный стол горожан.

Неотъемлемой чертой Великого Новгорода X-XII вв. является наличие значительного процента грамотного населения, что было возможно лишь при хорошо организованной системе образования. Известно, что юные новгородцы начинали свое обучение с 6-7 лет и первоначально учились письму, а затем на его основе счету [Рыбина Е.А.2000, 39-42]. На данном этапе научного исследования можно говорить о существовании в Новгороде двух систем письма – книжной и бытовой [2, 19]. Обучение книжному письму было высшим уровнем образования, первым этапом которого было знакомство с бытовой системой. Она предназначалась для повседневных нужд. Характерной особенностью бытового письма было использование облегченной азбуки, отмечается еще около 30 особенностей фонетики, морфологии и синтаксиса, что ярко иллюстрируют грамоты именно периода XI-XII вв., сохранившие для нас живую разговорную речь той эпохи [2, 20].

Для наиболее полного раскрытия образа средневекового новгородца необходимо рассказать и о том, что заполняло часы его досуга. Обычными развлечениями для жителей Новгорода рассматриваемого периода были народные гулянья, в которых участвовали массы городского населения.

Церковь глубоко осуждала эти «игрища утолочена и людии множество на них, яко упихати начнут друг друга, позоры деюще от беса замысленного дела». Подобные веселья сопровождалась такими развлечениями, как туры, лодыги, комедницы, позорования и т.д. в которых принято было рядиться в звериные одежды, возлагать на лица скураты, сопеть в сопяху, играть в быков [9, 351]. Возможно, что в XII в. народные игрища постепенно утрачивали свое ритуальное значение и становились простым развлечением с песнями и плясками, на позор (т.е. созерцание) которых стекалось огромное количество горожан [Куманева Е.2000, 12]. Большой популярностью в Новгороде пользовались кулачные бои, которые были и «отголоском древней тризны» (драться по мертвецы) и способом разрешения споров [Иванов А.2000, 9].

Активными участниками народных гуляний были скоморохи. Их представления сочетали в себе шутовские затеи, переодевания, игру на музыкальных инструментах. Скоморохи пользовались большим уважением народа. В одной из новгородских былин их называют людьми «не простыми, а святыми» [Новгородские былины. 1978, 301]. Ни одно собрание не обходилось без музыкального сопровождения. Наиболее популярными в Новгороде X-XII вв. были струнные инструменты – гусли и гудки. Наигрыши делились функционально, по-разному звучали сопровождения, исполняемые «под пляску» и «под песню». Игра на музыкальном инструменте требовала определенных профессиональных навыков, которые передавались непосредственно от наставника к ученику. Из духовых инструментов самыми распространенными были дудки и свирели, или, как их называли тогда, сопели. Разнообразны были ударные – трещетки, ботало, в разгар пляски в помощь шли ложки, стиральные доски, печные заслонки [Поветкин В.И. 1994, 134]. Таким образом, мир средневекового новгородца был наполнен как инструментальной музыкой, так и песенным творчеством.

Если бурные народные гулянья устраивались прямо на улице, то для «беседы»

требовалась спокойная домашняя обстановка. Вероятно, подобные собрания различались на чисто мужские и чисто женские [4, 14]. «Беседы» были очень популярны у новгородцев в XII в., не случайно архиепископ Илья с упреком спрашивал священников: «Чем лучше мы простецов, ежели с ними начнем ясти и на беседе сидети?» [9, 358]. Участники беседы коротали время за рукоделием, слушая искусных рассказчиков. Вслед за гуляньями и беседой, братчина также была формой живого общения для средневекового новгородца.

Даже на стенах Софийского собора сохранилась надпись, свидетельствующую о проходившей здесь коллективной братчине по поводу начала какого-то важного общего дела [2, 288], а, как известно, братчина – типичный пережиток язычества, который в Новгороде археологически прослеживается с первой половины X в. [Седов В.В. 139].

Неотъемлемой частью повседневного быта новгородца было прикладное творчество, когда горожанин в часы досуга с любовью и выдумкой мастерил поделку, одновременно украшавшую дом и необходимую в хозяйстве. Если женщины занимались, шитьем, вышивкой, то мужчины мастерили поделки из дерева и кости, самых доступных подручных материалов. Богатая творческая фантазия находила выражение в затейливом орнаменте на ложках и ручках ковшей, в резном узорочье, украшавшем новгородские жилища, в изящных костяных изделиях. Эти вещи не серийного производства они рождались из любви к материалу, из потребности творить своими руками.

Мир, окружающий средневекового новгородца, был полон ярких красок, художественного разнообразия и творческих идей, воплощенных в разнообразных предметах быта – это разноцветная домотканная одежда, украшенные резьбой ложки, миски и ковши, тонкое деревянное узорочье, покрывавшее хоромы и крыльца, во всем видна рука талантливого умельца. Это всегда подчеркивали и сами новгородцы, с гордостью говоря, что они не «лопатники», осознавая себя носителями высокой материальной культуры. И, действительно, обувь в Новгороде носили только кожаную, украшенную вышивкой и аппликацией, находка ж лаптей в ходе раскопок большая редкость.

Подводя итог изучению повседневно-бытовой культуры Великого Новгорода X-XII вв., необходимо отметить, что имеющиеся исторические источники содержат достаточно богатый материал для раскрытия данной темы и требуют дальнейшего обстоятельного исследования. Полученные нами результаты позволяют сделать вывод о том, что новгородцы в рамках древнерусского государства сумели создать уникальную и самобытную культуру, которая могла сформироваться лишь в социально-политических и культурных условиях новгородской действительности того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вопрошание Кириково // Русская историческая библиотека изд. Императорской археологической комиссией. Т. 6. СПб., 1906.
2. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
3. Иванов А. Спортивные игры в Древней Руси // Орел шестого легиона. Тезисы науч. конф. ист. фак. УрГУ. Екатеринбург, 2000.
4. Куманева Е. Досуг в средневековом Новгороде // Орел шестого легиона. Тезисы науч. конф. ист. фак. УрГУ. Екатеринбург, 2000.
5. Новгородские былины / изд. подгот. Ю.И. Смирнов, В.Г. Смолицкий. М., 1978.
6. Пихоя Р.Г. Возникновение памятников покаянной дисциплины Древней Руси в XI в. // Античная древность и средние века. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.
7. Пихоя Р.Г. Церковь в Древней Руси. Дис. ... канд. ист. наук. / Урал. ун-т. Свердловск, 1974.
8. Поветкин В.И. Новгород музыкальный (по материалам археологических исследований). Открытия

- 1993г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994.
9. Поучение архиепископа Ильи // Русская историческая библиотека изд. Императорской археологической комиссией. Т.6. СПб., 1906.
10. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
11. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI-XIII вв. М.; Л., 1947.
12. Рыбина Е.А. Образование в средневековом Новгороде // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000.
13. Седов В.В. Языческая братчина в древнем Новгороде // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Сб. ст. Вып. 65. М., 1956.
14. Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998.

T. Fomina

EVERYDAY-DOMESTIC CULTURE OF GREAT NOVGOROD OF THE X-XII CENTURIES (COMPILED FROM ARCHEOLOGICAL MATERIALS AND WRITTEN SOURCES)

Abstract: Within the bounds of this work, the results of scientific research, the historical sources and archeological excavations characterizing everyday-domestic culture of Great Novgorod of the X-XII centuries are generalized. The influence of the church on the everyday life of the city-dwellers, family relationships of the people of Novgorod of that time, their daily routine and leisure hours are retraced in the material of the abundant sources.

Key words: history, culture, Great Novgorod, archeology, birch bark charters.